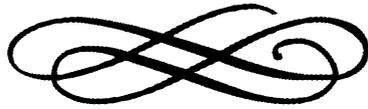
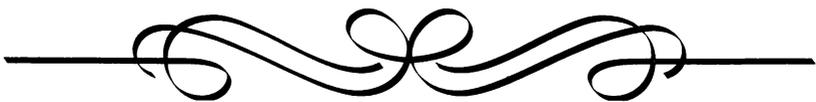

Глава XIX

Переговоры о мире

В апреле 1579 года Иван, находясь в Александровской слободе, серьезно заболел¹. Он собрал у своего ложа представителей высшей церковной иерархии и Боярской думы и провозгласил наследником старшего сына Ивана. Царь обратился также к Думе с требованием найти способ вступить в мирные переговоры со Стефаном Баторием. К этому времени он уже составлял черновое завещание, возможно, несколько раз, но единственный из сохранившихся текстов этих завещаний является копией, сделанной в начале XIX века с более ранней копии XVI века. Поэтому историки не могут прийти к единому мнению относительно ее подлинности и даты, когда документ был продиктован². Некоторые полагают, что он был составлен между 6 и 17 августа 1572 года, после победы над крымским ханом, о которой в Новгороде царю стало известно шестого числа. Согласно другой теории, Иван написал это завещание раньше, летом 1572 года, когда он был погружен в страх и уныние, вызванные угрозой разгрома крымцами, и опасался, что ему придется искать убежища где-то за границей. Учитывая его болезненное воображение, не исключено, что царь представлял, как его в цепях уводят в плен к крымскому хану или турецкому султану. Датирование завещания в определенной степени определяется тем, что в нем упоминаются вещи, отказанные его жене Анне Колтовской, а это не могло произойти до того, как Иван

развелся с ней и отправил в октябре 1572 года в монастырь³. Однако фамилия Анны не упомянута в завещании, о ней говорится лишь как о царице Анне, поэтому речь могла идти и о сменившей ее царице Анне Васильчиковой.

Черновик завещания дает некоторое представление о расположении духа Ивана в момент его написания, будь то 1572 или 1579 год⁴. По всей вероятности, он был составлен Андреем Щелкаловым и, как почти все письма Ивана, чрезвычайно многословен, изобилует цитатами из Ветхого и Нового Заветов. В длинном вступлении Иван называет себя наихудшим грешником на свете, презреннейшим из смертных, *«оскверненным душой и изнемогшим телом»*, которого обходят стороной даже левиты. Он превзошел Каина и уподобился Исаву в испорченности разума и скотстве помыслов. *«Главу оскверних желанием и мнению непогодных дел, уста — разсуждением убийства, и блуда, и всякаго злаго делания, язык — срамословия и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания, руце — осязания непогодно и грабления насытных»**. Перефразируя молитву *«Отче наш»*, царь просит Христа перевязать его духовные и телесные раны и смилостивиться над ним⁵. Иван не покидает почву высокой риторики, основанной на Библии, бия себя в грудь и восклицая, он призывает своих сыновей любить друг друга, крепко держаться православной веры, быть справедливыми со слугами, *«а каторья лихи и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению не яростию»* — завет, которому сам он редко следовал, но который повторяет наставления Домостроя. Царевичу Ивану Ивановичу предписывается защищать своего брата Федора, чтобы тот не сожалел, что у него нет собственного княжества, и не просил о нем брата.

Однако, приведя длинные извлечения из Посланий св. Павла о любви, Иван обращает внимание на слова апостола: *«Аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся, и есть невернаго горши»*. Писец, сделавший сохранившуюся не очень точную копию завещания, иногда позволяет себе приводить замечания на полях, не лишённые некоторой пикантности. Когда Иван говорит о скитаниях по своим землям в изгнании, писец отмечает, что из страха перед мятежами царь предпочитал жить в Старице или в Александровской слободе; или он делает такую

* В англ. оригинале эта цитата дана в форме пересказа.

ремарку: *«Зде ще страх свой [Иван] о лишении престола изъясляет»*. Очевидно, этот переписчик был прекрасно осведомлен о природе царской паранойи.

После дальнейшего пространного цитирования притч Нового Завета Иван переходит к разделу своего царства. Само Русское царство и его регалии, как и город Москву, он оставляет Ивану Ивановичу, тем самым не желая делить их между сыновьями, как это было принято в прошлом, и расточать наследие Василия III и Ивана III. Но царь завещал немало владений и Федору, создав тем самым для своего младшего сына весьма значительный удел. Перечень земель Ивана является любопытным свидетельством размаха конфискаций, произведенных в отношении вотчин ряда князей как до, так и после опричнины. Одна из основных проблем датировки завещания связана с пожалованием в нем земель князю Михаилу Воротынскому взамен отнятых царем. Очевидно, в 1573 году этот пункт отпадал ввиду того, что князь подвергся казни⁶.

Не исключено, тем не менее, что сохранившаяся копия завещания представляет собой черновик, к которому постоянно возвращались и который был переработан несколько раз, так что он никоим образом не является законченным документом. В таком случае существующая копия может относиться и к периоду после 1572 года, в частности, потому, что в нем упоминается о принадлежности вассалу Ивана королю Магнусу ряда городов в Ливонии, которые были завоеваны русскими только в ходе кампании 1577 года. Магнус был в это время обручен со второй дочерью Владимира Старицкого, так как старшая дочь умерла от чумы. Ему предстояло выплатить Ивану большую ссуду, выданную Иваном для отвоевания вассального королевства, а если бы он оставил Ливонию или Россию, эти земли перешли бы к царевичу Ивану Ивановичу⁷.

Опричнина упоминается в завещании один раз: *«А что есмь учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, так и учинят, а образец им учинен готов»*. Была ли опричнина уже упразднена к моменту наброска этого завещания? Она упоминается в прошедшем времени, но твердо судить об этом сложно. Очевидно, Иван все еще полагал, что его сыновьям также будет необходимо иметь свой удел со своей собственной охраной и войском⁸.

Завещание Ивана может совпадать по времени с другим ставящим в тупик сочинением, которое ему приписывается, а именно «Каноном Ан-

гелу Грозному воеводе». Автор его именуется Парфением Уродивым, оно датируется периодом после 1572 или 1573 года, во всяком случае, после серьезной болезни Ивана, о которой сообщают более поздние источники. Впрочем, и завещание, и болезнь могут относиться к 1579 году⁹. Это касается и молитвы, которая, возможно, выражает отчаяние Ивана по поводу потери Полоцка (см. ниже). В мае Иван переехал в Волоколамский монастырь, а затем в Новгород, где он был 27 июня 1579 года, и мысли царя, вероятно, обратились к его судьбе в загробном мире¹⁰. Молитва проникнута унынием и печалью; она написана человеком, испытывающим страх смерти, и обращена ко всем, прощающимся с жизнью: *«Пой по вся дни канун сей, — призывает Парфений Уродивый, — ангеле ... умоли о мне грешнем о рабе твоём ... да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с тобою путешествати. Страшный и грозный ангеле, не устраши мене маломощнаго ... Напой мя, ангеле, чашею спасения... — не остави мене сира ... Пресвятая царица, ты бо еси милостива, можешу бо обলেখчисти мое бремя греховное, тяжкое»*. Продолжение молитвы то к грозному ангелу, то к пресвятой Деве Матери Божьей, то к царю небесному наполнено такими же призывами простить грешника. Это трогательное песнопение, написанное традиционным поэтическим языком, присущим церковным молениям.

Разгром русских под Венденом навел царя на мысль о необходимости начать одновременно с военными действиями переговоры о мире путем обмена *«великими посольствами»*. Баторий также время от времени предпринимал подобные шаги. Но теперь, когда он развязал себе руки в Данциге, король преисполнился решимости укрепить свою власть и, возможно, заложить основы династии, а для этого присоединить к своему королевству всю Ливонию, и 26 июня 1579 года официально объявил Ивану войну¹¹. До тех пор Россия находилась в состоянии войны с Ливонией, но, несмотря на захват русскими Полоцка, Польша-Литва войны им не объявляла. Однако одновременно Баторий бросил Ивану своеобразный вызов, предложив ему разрешить спор в личном поединке, — редчайший случай в анналах королевского кодекса чести шестнадцатого века, но, вероятно, характерный с точки зрения польских и венгерских понятий о рыцарстве, печать благочестивой бравады католического монарха, жаждущего закрепиться на троне. Баторий был возмущен отказом Ивана обращаться с ним как с равным по сану и объявил о своем намерении заставить царя испустить нанесен-

ную ему обиду своей кровью, так как он не собирался причинять вред его подданным и ограничивать их свободу¹².

Баторий изложил свои мысли в воззвании к русскому народу, объяснив, что он не хочет проливать его кровь и его единственным врагом является царь, поэтому он хочет заставить Ивана испытать страдания, которые он причинял другим. Этот поступок не был беспрецедентным. В 1527, а затем в 1528 году император Карл V прислал подобный же вызов на поединок французскому королю Франциску I, который, по мнению Карла, не сдержал свое слово, данное Карлу при освобождении из плена в Мадриде, куда он попал после битвы при Павии (1525 год), и не вернулся. Вызов был письменным, и поединок должен был состояться на реке Бидассоа, на франко-испанской границе. Однако Франциск проигнорировал сообщение герольда, который привез для него охранную грамоту, и тем самым доказал свое неблагородство¹³.

Попытка Батория провести грань между царем и его народом, его намерение «*дать ему свободу и законность*»¹⁴ вызвали ответную реакцию Ивана. Иван собирался противопоставить королевскому манифесту свой ответ, датируемый приблизительно августом 1579 года, но так и не сделал этого*. Однако, более поздняя копия, сохранившаяся в архиве, свидетельствует о том, что Иван обратился за поддержкой к разным слоям общества, начиная с церковной иерархии, и, возможно, созвал Земский собор, хотя современная историография отвергает эту точку зрения¹⁵.

Обе стороны готовились к войне. Сбор войска оказался трудным делом для Ивана, так как многие помещики снова не вняли его призыву, но ему удалось сосредоточить силы в количестве от 30 000 до 40 000 человек, включая 6000 татарских конников. В июне царь выехал из Новгорода в Псков, который должен был стать его штаб-квартирой. Баторий тем временем также планировал свою кампанию. В его армии насчитывалось около 40 000 человек, она состояла из польских и литовских отрядов, а также из наемников, набранных в Германии и Трансильвании. Вместо наступления в истощенной и разграбленной Ливонии или атаки Пскова, которая поставила бы под удар его тыл, король намеревался сначала двинуться на Полоцк, лежащий на реке Двине и привлекательный с точки зрения снабжения и коммуникаций. Иван ожидал удара Батория в Ливонии, поскольку предметом войны была именно она, а не занятые русскими

* Собственно, это письмо из Пскова, о чем идет речь ниже.

литовские земли, и появление короля в окрестностях Полоцка в августе 1579 года стало для него неожиданностью. Через Полоцк проходил путь в центральные области России, и хотя в нем находился многочисленный гарнизон, город был слабо укреплен, так как его стены были построены из дерева. Иван и его полководцы, Ф.И. Шереметев и князь Ф.И. Мстиславский (сын Ивана Федоровича) не смогли подоспеть к Полоцку вовремя, чтобы снять осаду. Сражение было ожесточенным, но, в конце концов, осажденный город сдался, и 1 сентября 1579 года Баторий вступил в него. Он рассматривал взятие Полоцка как возвращение города Литве, собор Святой Софии остался православным, а для строительства нового грандиозного католического храма были выделены особые земли¹⁶.

Потеря Полоцка стала для Ивана сильным психологическим ударом. Взятие города в свое время стало вехой на пути к претворению в жизнь идеи Москвы как наследницы Киева и сопровождалось шумной религиозной риторикой, а также было отражено в широкодоступной религиозной символике. Полоцк был царской вотчиной и после его завоевания вошел в титул царя; помимо всего прочего, это была земля Рюриковичей¹⁷. Предложение И.Ф. Мстиславского вернуть Полоцк с помощью сыновей Ивана было отвергнуто царем с негодованием, причем Иван ударил Мстиславского посохом и обозвал старым псом, проникнутым литовским духом и замыслившим подвергнуть его сыновей опасности¹⁸.

Карамзин обвинил Ивана в трусости и нежелании дать сражение. Зимин и Скрынников предполагают, что он еще не оправился от удара¹⁹. Авторы последнего времени подчеркивают, что Иван был плохо знаком со стратегией и тактикой и потому не мог спланировать кампанию; к тому же у него не было больше средств для мобилизации войска. Еще в 1579 году многие представители служилой знати отказались откликнуться на призыв царя, кроме того, после жестоких сражений и уменьшения численности населения северной России и Ливонии вследствие голода и мора ощущалась крайняя нехватка всех запасов. К тому же Иван был вынужден вести войну на два фронта: на юго-западе против Речи Посполитой и против Швеции и Эстонии на севере, где татарский набег на Нарву* окончился неудачей.

* Неясно, о чем речь: до 1581 года Нарва принадлежала русским. В 1579 у русских татар было несколько стычек со шведами в Ливонии, в частности, они отбили атаку шведов на Нарву, как сообщает Б. Рюссов.

Действительно, утрата Полоцка, шестнадцать лет принадлежавшего русским, по-видимому, сломила дух Ивана. Он считал свои военные поражения карой божьей, и попавшие в плен летом 1580 года русские рассказывали, что царь призвал к себе митрополита и епископов и просил у них отпустить ему грехи (включая многочисленные браки?), «смирясь *перед Богом*»²⁰. В самом деле, причиной неудач Ивана на поле сражения были, вероятно, не только военные факторы.

В XVI веке военное дело в Восточной Европе претерпело много изменений. Однако это обновление было связано с климатическими и географическими условиями. Конница оставалась главной силой в степной зоне, но в эту эпоху и в польской, и в русской армии происходил переход к усилению пехоты и оснащению ее огнестрельным оружием. И в Швеции, и в России имелись отряды лыжников. Баторий учредил в Речи Посполитой средневооруженную кавалерию, которая могла свободнее маневрировать, чем западная тяжелая конница, но в России преобладала легкая кавалерия, которой было удобнее противостоять татарам. Русское войско имело перед поляками преимущество в артиллерии, и обе стороны широко использовали пехоту, стараясь повысить огневую мощь²¹. Своим превосходством в кампаниях 1579 и 1580 годов Речь Посполита была обязана кавалерии, но еще более, вероятно, полководческому таланту своих военачальников и лучшей выучке войск. У русских было недостаточно пехоты, чтобы держать гарнизоны в занятых ими городах и замках. Они не могли закреплять свои успехи²².

Хотя в конце 70-х годов, несмотря на опасность со стороны польских и шведских каперов, торговля с Англией продолжала вестись как по Белому морю, так и через Нарву, дипломатические сношения, пока Иван вел военные действия, были обречены на сокращение. На последней встрече 29 января 1579 года царь высказал Даниелю Сильвестру свое недовольство тоном королевских посланий, где была продемонстрирована «*нашей сестрой некоторая гордость и желание ея унижить нас перед нею*», после чего посол вернулся в Англию. Иван намекал, что в случае необходимости он мог бы искать убежища у своего доброго друга императора Максимилиана и что он может лишить англичан монополии на торговлю и передать ее немцам и венецианцам²³. Сильвестр снова приехал в Россию, но привезенный им ответ Елизаветы так и не дошел до Ивана вследствие того, что жизнь английского посланца трагически оборвалась в Холмогорах, где он погиб от удара молнии в тот

момент, когда примерял новый придворный наряд из желтого атласа, а весь его дом сгорел²⁴.

Иван по-прежнему стремился к контактам с Англией, поэтому он предложил Джерому Горсею выступить в качестве его связного. Горсей был всегда готов к новым авантюрам, поэтому он охотно принял на себя эту опасную миссию и отправился сухопутным путем, спрятав письмо Ивана к Елизавете в *«деревянной фляге, наполненной водкой, которую повесили под гриву моего коня»*, надев самое поношенное платье и зашив в свои сапоги четыреста золотых венгерских дукатов. Это было в 1580 году (точную дату Горсей не называет), его препроводили до ливонской границы, где и начались неприятности. Но судьба улыбалась Горсею: когда он был задержан на захваченном датчанами острове Эзель, местный губернатор в частной беседе выяснил, что Горсей помогал его дочери, которая находилась в русском плену. После этого Горсей поспешил дальше и наконец прибыл в Англию, где *«открыл мою флягу с водкой, вынул и надушил, как мог, письма и наставления царя»*, однако королева при чтении почувствовала запах водки.

Для Горсея его миссия оказалась весьма успешной: королева подарила ему свой портрет и допустила к руке. Что более существенно, Горсей привел с собой обратно тринадцать кораблей компании, нагруженных медью, свинцом, порохом, селитрой, серой и прочими припасами, необходимыми для войны и оплаченными девятью тысячами фунтов наличными деньгами, и это явно свидетельствует о военных поставках Ивану из Англии, что бы Елизавета ни говорила императору²⁵.

После потери Полоцка Иван был слишком подавлен, чтобы предпринимать какие-то новые действия, к тому же на него могли повлиять еще два события. Возможно, через некоторое время после сдачи Полоцка он решил, что его лекарь Бомелий — изменник, и приговорил его к смерти. Существуют предположения, что Бомелий пытался убедить Ивана не воевать с поляками. Самый подробный рассказ о падении Бомелия содержится у Горсея, хотя он не приводит даты и не говорит о том, где имели место описываемые им происшествия. Горсей связывает крушение Бомелия с опалой неназванного архиепископа Новгородского, вероятно, Леонида, которая относится к 1575 году. Более правдоподобная версия гласит, что немилость, в которую попал Бомелий, была вызвана его попыткой покинуть Россию, зашив свое несправедливо нажитое богатство в одежду. Он был схвачен и приведен

обратно, подвергнут пытке на дыбе и избиению проволочным кнутом. Бомелий сознался во многих преступлениях и обвинил многих людей, тогда царь прислал сказать, что он будет зажарен живьем. Горсей пишет: *«Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер»*. Горсей называет Бомелия порочным человеком и «виновником многих несчастий», который *«был всегда врагом англичан. Он обманул царя уверениями, что королева Англии молода и что для него вполне возможно на ней жениться»*²⁶.

Возможно, что восприимчивость Ивана к оккультизму подогрелась в это время наличием на небе 1577 года большой кометы, которую можно было видеть от Перу до Китая. Она приблизилась к Земле на кратчайшее расстояние 10 ноября 1577 года и исчезла в конце января 1578 года. Один астроном описывает ее как *«огромную светящуюся шарообразную массу, изрыгающую огонь, а сзади — дым»*, с длиннющим закручивающимся хвостом, темно-красного огненного цвета. Другие астрономы предрекали большие изменения в погоде и в политике, и многие наблюдения произвели переворот в существовавших космологических представлениях, так как новая комета появилась не между Землей и Луной, где по тогдашним представлениям должны были двигаться кометы, а позади Луны. Вторая комета была видна с октября 1580 по январь 1581 года и рассматривалась, подобно первой, как проявление небесного гнева, угрожавшее всему роду человеческому, но в первую очередь — государям. Тихо Браге сообщал, что комета сначала появилась в восьмом астрологическом доме, или доме смерти, что предвещало великую смертность среди людей. Иван должен был видеть эту комету, а Бомелий, по всей вероятности, объяснил ее значение. Согласно другому источнику, еще до того, как разразилась война, произошли некоторые чудесные явления: *«Явилась комета, без сомнения предзнаменующая великое несчастье для москвитян. После того гром при ясном свете солнца в день Рождества Христова ударил в Слободский великолепный дворец и разрушил часть онаго; молния обратила в пепел богатые украшения и драгоценности, там хранимые; проникла в спальню, у самой кровати, и низвергла сосуд, в котором лежала роспись ливонским пленникам, осужденным быть забавою, т.е. жертвою тирана. Изведав о том, Иоанн побледнел и ждал важной перемены в судьбе своей»*²⁷. Этого было, видимо, достаточно, чтобы привести царя в смятение²⁸.

Иван неизбежно должен был прибегнуть к дипломатии, и в сентябре 1579 года, находясь в Пскове, он попытался привлечь виленского воеводу, которым был тогда Н. Радзивилл Рыжий, к организации мирных переговоров. Но свое предложение он сопроводил оскорбительным письмом в адрес Стефана Батория, обвинив короля в использовании изменнических приемов Курбского и подтверждая свою неизменную «волю к победе». Иван объявил «латинскую» веру польского короля «полухристианской», в то время как его дворяне придерживаются лютеранства, а теперь в стране появилась еще и новая ересь — арианство (под которым Иван понимает, видимо, антитринитаризм), Бог не может даровать победу народу, который даже не является вполне христианским.

Однако и на этот раз письмо, по всей видимости, не было отослано и лишь послужило отдушиной для терзавшего Ивана бешенства и чувства собственной беспомощности²⁹.

Тем временем летом 1580 года Баторий возобновил свое наступление и снова застал русских врасплох, двинувшись не на Псков или Смоленск, а на Великие Луки, расположенный между этими двумя городами менее крупный, но стратегически важный населенный пункт. Воюющие стороны опять обменялись гонцами, но это ни к чему не привело. Потеря русскими Великих Лук, которые сдались полякам 5 сентября 1580 года, и новое поражение русских войск в бою с поляками две недели спустя одновременно с нападением шведов в Карелии заставили Ивана серьезно задуматься о мирных переговорах с Речью Посполитой, хотя проявление подобной инициативы он считал для себя унижительным. Но и Баторий категорически отказывался начинать переговоры даже об обмене пленными³⁰.

Тогда Иван затеял хитроумную дипломатическую игру, которая показывает, что если он и не был хорошим полководцем, зато хорошо знал, как замутить европейские дипломатические воды. В последнее время царь демонстрировал большую склонность к обмену мнениями и в ноябре 1579 и январе 1580 года делал предложения о возобновлении переговоров между Россией и Речью Посполитой. 25 августа 1580 года в Александровской слободе для обсуждения создавшегося положения была созвана Боярская дума. Результатом этого совещания была посылка представителей сначала в Вену, а затем в Рим. Отправившийся в путь 6 сентября Леонтий Истома Шевригин был простым гонцом, то

есть принадлежал к низшему рангу русских дипломатических служащих, что позволяло ему путешествовать без помех и, следовательно, в большей безопасности, поскольку он привлекал меньше внимания и вряд ли был бы задержан. Он вез с собой письмо Ивана с предложением императору Рудольфу II вступить в союз против османов и для осуществления этого плана оказать давление на Батория, чтобы тот заключил с Россией мир. Условия мира должны были позволить Ивану сохранить за собой хотя бы ливонские крепости³¹.

Но замыслы Ивана простирались гораздо дальше. Шевригин должен был отправиться в Рим и возобновить прерванные ранее контакты с Ватиканом, намекая на возможность признания русской православной Церковью верховенства папы. Главы католического мира добивались этого еще со времен Флорентийского собора первой половины XV века³². Иван надеялся таким образом выиграть время и побудить тогдашнего папу, Григория XIII, стать посредником при заключении мира или перемирия между Россией и Речью Посполитой. Это была оригинальная идея, идущая вразрез со всеми прежними русскими заявлениями, сделанными в адрес папства³³. Поскольку путешествие по суше было для русского курьера слишком опасным, Шевригин отплыл на судне из ливонского Пярну в Любек, где к сопровождавшему его немецкому толмачу Вильгельму Поплеру присоединился переводчик с итальянского Франческо Паллавичино. В начале января 1581 года Шевригин прибыл в Прагу, где был размещен в покоях, предназначенных для «*турок и московитов*», подход к которым, очевидно, был одинаковым.

Император Рудольф принял Шевригина 10 января 1581 года, но не проявил никакого интереса к его предложениям относительно союза против турок и расширения торговли, как и к подарку в виде сорока соболей. Шевригину, с которым в Праге обходились не лучше, чем с иноземными посланцами в Москве, и который был изолирован от внешнего мира, было сказано, что судьба Ливонии находится в руках имперского Рейхстага. Подорожная в Венецию была выдана русскому посланцу без промедления, видимо, чтобы избавиться от него побыстрее. 13 февраля 1581 года русская делегация прибыла на Адриатику.

В отличие от Праги, в Венеции русский посланник был встречен с куда большей пышностью и церемониями, его познакомили со всеми достопримечательностями, в том числе с грозным военным флотом. Венециан-

цы, увы, не знали, что торжественно зачитанная верительная грамота Шевригина, адресованная им царем, была подделкой. Поскольку у Шевригина не было никакого письма, которое он мог бы представить властям Светлейшей республики, с необыкновенным присутствием духа он собственноручно написал послание от имени царя, для пущей убедительности добавив к нему печать, снятую с письма к саксонскому курфюрсту. В письме он называл себя послом, а не просто гонцом, поэтому церемониальный прием, оказанный ему в Венеции (а позднее и в Риме) отличался от пражского. Причина этого недоразумения заключается в том, что Иван в то время не имел понятия о независимости Венецианской республики и считал ее провинцией, подчиненной папам, а Посольский приказ в Москве не знал, какую форму обращения к дожу следует использовать³⁴.

Сделав несколько намеков на то, сколь охотно в Москве были бы приняты венецианские торговцы, Шевригин удалился в Рим, куда он прибыл 24 февраля 1581 года. Здесь ему также был оказан торжественный публичный прием, а затем посла препроводили в Палаццо Колонна, где он жил на щедром содержании. Очевидно, вследствие вероисповедных затруднений папа дал послу 26 февраля только частную аудиенцию, на которой Шевригин поцеловал туфлю понтифика и зачитал письмо Ивана. Оно было составлено в обычном для царя духе, и Баторий был в нем охарактеризован как государь, ничем не отличающийся от неверного, и ставленник султана. Для рассмотрения привезенного Шевригиным письма папа назначил комиссию, которая оценивала русскую перспективу с точки зрения военной ситуации на Востоке и явной заинтересованности России в мире. Комиссия предложила папе направить в Россию посла для обсуждения военных действий против Османской империи и перемирия между Речью Посполитой и Россией. Излишне говорить, что поляки использовали свое влияние в Риме для противодействия русским. Однако папа решил сначала вступить с Иваном в дискуссию по поводу религиозных вопросов, а уже затем обсуждать возможность сотрудничества в борьбе против турок³⁵.

Своим послом папа назначил Антонио Поссевино³⁶. Последний занимал высокое положение в ордене иезуитов, имел богатый опыт международных переговоров, особенно со Швецией, где ему удалось обратить в католическую веру Юхана III. Он был известным борцом с Реформацией и перед отъездом в Россию внимательно изучил всю имеющуюся литературу о Московии, в частности, сочинения Герберштейна, Джовио и Кобенцля,

с которым Поссевино впоследствии встретился в Граце и расспросил его о России. Возможно, Поссевино ознакомился также с известиями Принца из Бухова и Шлихтинга, латинский экземпляр «Краткого сказания» которого находится в Ватикане^{*37}.

В подготовленной для Поссевино инструкции папа предложил посредничество при заключении мира между Иваном и Стефаном Баторием, который привел бы к столь желанному для царя альянсу для войны против турок. Но для упрочения этого альянса он должен опираться на поддержку церкви, в руках которой находится ключ к этому союзу, а именно римско-католической церкви. Царю следовало прочитать постановления Флорентийского собора и договориться с ним о присылке в Рим новой делегации. Шевригину было также разрешено передать положительный ответ папы на русское предложение об организации торговли между Москвой и Венецией, но конечной задачей являлись крестовый поход против турок и объединение церквей. 27 марта 1581 года Шевригин покинул Рим и вместе с Поссевино отправился в Россию.

За это время Иван уделил внимание не только государственным делам. В 1576 или 1577 году умерла царица Анна Васильчикова, и на следующий год он наметил свою шестую «женитьбу», на сей раз с известной своей красотой вдовой скромного чина, возможно, бывшей женой дьяка, служившего в Ливонии³⁸.

Один из авторитетных историков, Р.Г. Скрынников, категорически отрицает, что Иван имел возможность сам выбирать себе невесту по вкусу, так как заключаемые им браки зависели от борьбы интересов могущественных бояр при царском дворе. Единственное исключение Скрынников делает для Василисы, которая, по слухам, была весьма *«урядна и красна»*, *«и среди девиц, приведенных к царю для обозрения, ей не было равных»*. Этот брак был недолгим, так как через год Василиса умерла *«своей смертью»*³⁹. Ее кончина пришлась на период наивысших военных успехов Ивана. Не соблюдая по обыкновению долгого траура по Василисе, 6 сентября 1580 года царь вступил в свой седьмой «брак» с Марией Федоровной Нагой, племянницей Афанасия Федоровича Нагого, занимавшего важное место среди советников Ивана еще с момента его возвращения из Крыма. В результате этого хода Нагой

* В авторском примеч. 12 к главе XI говорится что он утерян.

еще более усилил свое влияние в Боярской думе при царском дворе. В том же году Иван Иванович, который был вынужден до этого два раза развестись, в третий раз выбрал себе невесту и женился на Елене Федоровне* Шереметевой.

Тем временем Поссевино и русский гонец Шевригин прибыли в Венецию, где были приняты дожем и Советом десяти. Поссевино распространялся перед ними по поводу планов папы начать войну с Портой, что не встретило поддержки венецианцев, не желавших ставить под удар свою выгодную торговлю с Востоком. Шевригин придерживался данных ему письменных инструкций, в которых речь шла только о торговле. После краткого пребывания в Вене, где император Рудольф встретил послов с полным безразличием, дипломаты разделились. Поссевино продолжил свой путь в Польшу, а Шевригин, по-прежнему избегая владений Речи Посполитой, поплыл домой морем через Любек. Шевригин был мало подходящим спутником для высокоученого иезуита. В конце концов, это был малообразованный человек, наделенный инстинктивной крестьянской хитростью в отношении стяжания, полностью лишенный художественной восприимчивости, равнодушный к славе Рима и, по словам Поссевино, озабоченный в основном лишь получением хорошего прибытка путем продажи привезенных им с собой товаров.

Стефан Баторий принял предложение о посредничестве папы без колебаний. До этого польский нунций уже прощупывал почву на предмет создания обширной антитурецкой коалиции с участием России, что было встречено Баторием без восторга. Главной задачей короля в это время было завоевание всей Ливонии для включения в свое новое королевство (которое он надеялся когда-нибудь сделать наследственным). Баторий снабдил Поссевино необходимой охранной грамотой, хотя и не разделял внезапно вспыхнувшего энтузиазма папы Григория XIII по поводу Ивана IV. В начале июня Поссевино был в Варшаве, где он встретился с польской королевой Анной Ягеллонкой, с канцлером Яном Замойским и с прочими влиятельными лицами, а затем выехал в Вильно, где находилась ставка Батория⁴⁰.

В то время в Польше ходили всевозможные сомнительные слухи о

* Правильно: «на Елене Ивановне». В действительности она была дочерью Ивана Васильевича Шереметева-младшего.

положении в стане Ивана; говорили, что его сыновья совершенно не одобряют политику отца и даже Федор Иванович якобы рассорился с ним. В Литву бежал племянник Малюты Скуратова Даниил Бельский. Князь И.Ф. Мстиславский снова попал в опалу и был вынужден публично дать клятву вместе со своими двумя сыновьями, что не бежит в Литву и не станет сдавать русских городов. Именно такие слухи и побудили Стефана Батория приступить к новой кампании и отказаться от каких бы то ни было уступок Ивану. Царь тем временем постепенно сдавал позиции и был готов уйти из Ливонии при условии, что за ним останется Нарва, и будут возвращены Великие Луки и несколько других городов. Он стремился убедить Батория не углубляться дальше на русскую территорию⁴¹.

Король принял Поссевино в Вильно 17 июня⁴² и, будучи заранее настроенным в пользу иезуитов, высоко оценил его внешнюю открытость и особенно его заверения в том, что папа всегда отдаст предпочтение ревностному католику перед правителем-схизматиком с сомнительной репутацией. Оба были согласны в том, что следует дожидаться возвращения послов, недавно отправленных Баторием в Россию, чтобы объявить его окончательные условия. Поссевино предстояло сопровождать короля в Дисну, крепость при впадении одноименной реки в Двину, чтобы там ждать ответа от Ивана. За девять дней путешествия король, его канцлер Замойский и иезуит пришли к согласию по многим вопросам, причем Поссевино продемонстрировал Баторию папское письмо. В свою очередь Баторий, как опытный стратег, высказал Поссевино убедительные доводы в пользу того, что Иван никогда не вступит в войну с османами вследствие удаленности и труднодоступности театра военных действий⁴³.

Условия, выдвинутые Баторием, предусматривали теперь уступку всей Ливонии, выплату значительной контрибуции и снос нескольких русских приграничных крепостей⁴⁴. Иван через своих послов категорически отверг эти условия. Когда русские представители прибыли в Дисну и остановились там со своим эскортом из 200 человек, Поссевино посетил их, но они только повторяли, что должны следовать своим письменным инструкциям. На вопрос, почему их ответы изменились, послы говорили, что новое завещание отменяет прежнее. Переговоры фактически провалились, поскольку русская делегация не имела для них полномочий, и Поссевино собрался совершить путешествие в Москву, для чего уже были запрошены охранные грамоты.

Тем временем высокие договаривающиеся стороны воспользовались случаем, чтобы обменяться новыми оскорблениями и еще более крепкими ругательствами. Начало положил Иван посланием от 29 июня 1581 года. Он называет себя правителем *«по божьему изволению, а не по многомятежному человеческому желанию»* и напоминает Баторию о своей прежней сговорчивости, противопоставляя ее категорическому отказу Батория идти на какие бы то ни было уступки, фактически — вести переговоры. Царь обвинял его в том, что, отвергая согласованные решения, позволяющие избежать пролития христианской крови, Баторий ведет себя не по-христиански. Требование возмещения убытков, заявляет Иван, это басурманский обычай, не принятый среди равных христианских государей, да и басурмане не облагают данью друг друга. Баторий вел переговоры как басурманин, даже не оставляя времени для приезда русских делегаций. Баторий нарушил клятвенные обещания, данные в прошлом русским послам его предшественниками (все они перечислены поименно, начиная с Ольгерда и Ягайло); он принимал русских изменников, таких, как Курбский, к себе на службу и изменой захватил принадлежащий Ивану Полоцк. Царь не без оснований обвиняет польское войско в жестокости, проявленной на поле брани, в частности, в том, что воеводы Батория *«выбирали трупы воевод и лучших детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь, как бы для колдовства... христианам не подобает раговаться крови и убийствам и действовать, подобно варварам»*⁴⁵.

Ивана особенно возмущала дерзость поляков, которую он обличает в послании к Баторию на тридцати двух страницах⁴⁶. Самое любопытное в этом оригинальном письме — уже заметное желание Ивана опровергнуть доводы в пользу объединения Церквей, возможно, вызванное опасениями насчет последствий, к которым приведет посредничество папы. Царь отмечает, что *«папа и все римляне и латиняне вечно твердят, что вера греческая и латинская едина»*, как было определено на Флорентийском соборе, в котором участвовал митрополит Исидор. Если папа придерживается такого мнения, то нам незачем враждовать, очевидно, нет необходимости признавать и верховенство папы, которое является камнем преткновения⁴⁷.

Ответ Батория, составленный его доверенным лицом и канцлером Яном Замойским, является самым оскорбительным из всех посланий, которые царь когда-либо получал. Замойский трудился над этим пись-

мом целую неделю и позаботился о том, чтобы оно стало известно всей Европе⁴⁸. В послании дается ответ на обвинения Ивана по всем пунктам, и прежде всего высмеиваются его претензии на происхождение от восточных или западных римских императоров. Впрочем, бесполезно толковать об этом *«с тобою, который христианских народов и справ не сведом, одно своих диких и грубых, напрасно о том мовити»**. Если Иван и имеет древнего предка, то таковым является греческий тиран Фиест (которому его брат Атрей подал на обед его собственных двух сыновей)**. Иван же погубил не только двоих детей, но целый город Новгород, за что его можно сравнить с Каином, Фараоном и Иродом. Он не только жесток, но и труслив, заключает Замоийский. *«И бедная кокош [курица. — Б.Н. Флоря] ... перед ястребом с орлом птенца своя крилами своими окривает, а ты, орле о двух головах... хороняешься»*. Замоийский называет царя Сатаной, князем тьмы⁴⁹. Как может Иван обвинять Батория в том, что он турецкий вассал, когда сам *«смешал свою кровь с басурманской [намеки на его брак с Марией Темрюковной. — И. де М.], а его предки слизывали кумыс с грив татарских кляч и служили для крымских ханов подножкой, когда они садились на коня!»* И Баторий повторяет свой патетический призыв решить спор поединком между ним и царем. *«Если ты откажешься, то докажешь, что в тебе нет правды и царского, мужского и даже женского достоинства»⁵⁰*.

Все более убеждаясь в слабости русских, Стефан Баторий отправился 20 июня 1581 года из Вильно в свою третью кампанию против России, в то время как Иван был вынужден отвести свои войска для защиты от набега ногайцев. Мишенью польского короля стал на этот раз важный и очень хорошо укрепленный город Псков, о котором королевский секретарь писал: *«Большой город, напоминающий Париж»⁵¹*. В польской армии насчитывалось 47 000 человек, включая немецких и венгерских наемников, а псковский гарнизон состоял из 6000 стрельцов и 3000 конников, причем его стены простирались на девять километров и имели сорок башен. Оборону возглавлял князь И.П. Шуйский, отец которого, выдающийся полководец князь П.И. Шуйский, погиб в сражении на реке Уле в 1564 году.

Тем временем, 21 июля 1581 года Поссевино в сопровождении двенадцати человек покинул польский лагерь и начал трудный путь в Ста-

* Эта и следующая цитата приводятся по книге Б.Н. Флори «Иван Грозный».

** В письме Замоийского в этом обвинен сам Фиест, то есть братья поменялись местами.

рицу, где находилась резиденция Ивана. Этот путь проходил через Смоленск, где Поссевино удалось избежать посещения православной церковной службы, к чему русские хотели его принудить; царем ему было разрешено посещать церкви и монастыри⁵². В Старице иезуит был встречен с обычными церемониями и получил в подарок великолепного черного скакуна. Аудиенция у царя была назначена на 20 августа. В сопровождении дворян в парчовых одеяниях, придворных и множества вооруженных людей Поссевино был принят Иваном, который сидел на троне, возвышающемся на полметра над землей, в замечательном расшитом золотом и драгоценными камнями наряде. Пальцы его были унизаны кольцами, в руках он держал серебряный скипетр, на шее у него были ожерелья, на одном из которых висел крест полуметровой длины. На голове царя находилась сверкающая драгоценными камнями тиара немного больше той, что носят папы. Затем были представлены папские дары. Они были подобраны с большим вкусом и включали крест из горного хрусталя, инкрустированный золотом и содержащий в себе щепку Честного креста. Менее уместным подарком явился искусно переплетенный том постановлений Флорентийского собора на греческом, который, по мнению Поссевино, при дворе никто не сумел бы прочесть. Имелся также подарок для царицы Анастасии Романовны, о смерти которой и о том, что Иван был женат уже в седьмой раз, в Риме до сих пор никто не подозревал.

Переговоры, в которых участвовали два советника и дьяк Андрей Щелкалов, а также некоторые другие лица, начались еще перед обедом. Их ход замедлялся русским обычаем, согласно которому при каждой разговору бояре обращались к царю и возвращались с большими свитками, зачитываемыми вслух, и в каждом случае все титулы царя произносились полностью⁵³.

Последовал привычный пир с привычной демонстрацией серебра на буфетной стойке, на что Поссевино как истинный иезуит смотрел с отвращением, а затем он и сопровождавшие его священники удалились, отказавшись пить круговую чашу.

Сразу начались прения, которым было посвящено шесть заседаний и содержание которых сосредоточивалось вокруг трех вопросов, предполагавших взаимные уступки. Баторий настаивал на передаче ему всей Ливонии, в том числе еще находившегося в руках у шведов Ревеля и Нарвы, принадлежавшей русским. Иван хотел сохранить Нарву и

получить назад завоеванные Баторием русские города. Их дискуссия сопровождалась партией баса Поссевино, который твердил об объединении Церквей и о заключении союза против османов, что могло бы в случае успеха привести к передаче в руки Ивана Восточной империи⁵⁴. Однако Иван упорно избегал обсуждения вероисповедных вопросов. Но, к несчастью для царя, который надеялся в то время обойтись без вмешательства Швеции (и для Батория, который не хотел делить с последней Ливонию), Юхан III Шведский, воодушевленный натиском Речи Посполитой на Псков, нанес молниеносный удар по Нарве. Падение города сопровождалось жестокой резней, за которой последовали атаки на Иван-город, Ям и Копорье. Последняя из этих крепостей сдавалась 14 октября⁵⁵. Эти события стали для Ивана тяжелым потрясением и означали крушение его надежд на торговую экспансию в Финском заливе и на прямой выход к Балтийскому морю. Дипломатический торг теперь вести стало намного труднее.

Поссевино предложил вернуться в лагерь Стефана Батория для возобновления переговоров с королем, на что после потери Нарвы Иван с легкостью согласился. Однако он не пошел на уступки в вопросе о мире, хотя и не возражал против того, чтобы подданные Венеции и папы ездили торговать с Персией через Россию и даже брали с собой католического священника. Правда, просьба о строительстве католической церкви показалась ему чрезмерной и была отклонена. 9 сентября пришел ответ Батория на длинное послание Ивана, который был более пространственным и грубым, чем все письма, когда-либо написанные царем⁵⁶. Но Батория сдерживали неудачи его войска под Псковом, где полякам не удавалось сломить упорство защитников города. На стены Пскова поднимались для их обороны и мужчины, и женщины (и выносили с собой образ св. Дмитрия), так что осада Пскова осталась в памяти русских как событие легендарное. Баторий, рассчитывавший, что Псков скоро сдастся, не смог захватить даже большой Псково-Печерский монастырь, и 1 декабря король оставил осаду на попечение Яна Замойского и вернулся в Вильно. Неудача под Псковом сделала его более сговорчивым в вопросе о мире и одновременно укрепила решимость Ивана не отдавать русские города, а также побудила царя требовать уступки ему большего числа городов в Ливонии. Он даже угрожал, что не пришлет новых послов для переговоров с Баторием. И все же Иван уступил, предложив через Поссевино заключить семилетнее переми-

рие, и согласился назвать Батория «*братом*», при этом, правда, саркастически заметив в своем обычном духе, что ему неизвестно, кто этот брат, откуда он взялся и как он стал королем Польши⁵⁷.

Новый всплеск борьбы между Речью Посполитой и Россией привел также к возобновлению переписки между Иваном и князем Курбским. Князь прислал короткий ответ* на «*широковещательное и многошумное*» письмо Ивана от 5 июля 1564 года. Его особенно возмущали туманные рассуждения Ивана о «*постелях и о телогрейках ... словно вздорных баб рассказы*», которые достойны лишь осмеяния. Курбский вносит в дискуссию новый мотив, замечая, что благородным людям («*мужем рыцарским*») не подобает извергать из уст грубые и гневные слова. Использование понятия «*рыцарский*», возможно, отражает его более близкое знакомство с аристократической культурой Запада⁵⁸.

Иван отвечал** Курбскому только в июле 1577 года письмом из Вольмара, переданным через Александра Полубенского. Хотя в то время царь был преисполнен надежд на победу, его стиль в этом случае был менее агрессивен, чем в других посланиях. По обыкновению он рассуждает о своей греховности и о своем уповании на милость Божию. Царь возвращается к разговору о честолюбии Сильвестра и Адашева, а также, разумеется, самого Курбского, которые «*хотели*

* То есть, свое второе послание. На самом деле князь не мог отослать его и впоследствии присоединил к третьему письму, написанному после 1577 года, когда Курбский получил новое послание Грозного через Полубенского. Таким образом, это второе послание царя не было ответом на второе послание Курбского, оно было вдохновлено победоносным походом в Ливонию 1577 г. Причину, почему Иван IV не получил второе письмо Курбского (а вероятно, и третье), объясняет в этом третьем письме сам князь: «*А в том же послании напоминаешь, что на мое письмо уже отвечено, но и я давно уже на широковещательный лист твой написал ответ, но не смог послать из-за постыдного обычая тех земель, ибо затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, как говорит Иисус Сирахов, ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то тем или иным способом предаешь его смерти. Так же и здесь, уподобившись тебе, жестоко поступают. И поэтому так долго не посылаю тебе того письма. А теперь как этот ответ на теперешнее твое послание, так и тот — на широковещательное послание твое прегыдущее посылаю к высокому твоему величеству*».

** Как было отмечено выше, Иван не отвечал на второе послание Курбского, которого не получил, а повторно писал ему, как бы возвращаясь к переписке 1564 года. Возможно, и третье послание Курбского (вместе со вторым), он так и не получил, если оно и было отправлено последним (см. примечания Я.С. Лурье в издании «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — М., 1993 (переиздание книги 1981 г.), с. 244 и след., 298 и след.).

видеть под ногами своими всю Русскую землю». Иван пишет, что растлен (разумом) не он, а те, кто стремился уклониться от повиновения ему и отнять у него власть и господство, чтобы он ничем не владел. Царь вспоминает о некоторых событиях своей личной жизни и обвиняет Курбского в намерении возвести на престол Владимира Старицкого. Ключевым в его письме является отрывок из книги Иова: «Обошел землю и прошел вселенную, и вся земля под ногами моими». Так и Курбский, по словам Ивана, мнил, что вся Русская земля будет под его ногами. Но теперь сам царь ногами своих коней прошел по всем дорогам, и копыта его коней ступали повсюду. Даже в Вольмаре, откуда Курбский писал ему, Иван настиг его. «Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал»⁵⁹.*

* Здесь пер. Я.С. Лурье. В древнерусском тексте письма сказано: «обыдох землю и прошех поднебесную, и поднебесную под ногами учиних».